

Х. Киллиан

В тени побед

ББК 63.3(0)62
К39

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Киллиан Ханс
К39 В тени побед. Немецкий хирург на Восточном
фронте. 1941—1943 гг. / Пер. с англ. С.В. Бабак. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 335 с. — (За ли-
нией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-73311-8

Профессор, доктор медицинских наук Ханс Киллиан участвовал в двух мировых войнах. В качестве хирурга-консультанта он курировал работу военных и полевых госпиталей на всем Каунасском направлении и был свидетелем кровопролитных боев в районе озера Ильмень и Старой Руссы, столкнувшись со страшными последствиями суровых морозов зимы 1941/42 года. Расчет на то, что победа на Восточном фронте не потребует усилий, провалился, и солдаты заплатили страшную цену за просчет высшего командования.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-521-73311-8

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2005

КАУНАС

Медленно, не торопясь, я поднимаюсь вверх по лестнице огромной школы и принимаюсь блуждать по серым коридорам неприветливого здания — пока наконец мне не удастся разыскать IV отдел старшего квартирмейстера. Повсюду царит привычное рабочее оживление. Вверх и вниз снуют офицеры, унтер-офицеры, секретари и даже штатские, хлопают двери. По коридору, весь запыленный, проносится связной-мотоциклист. Налетает на военного врача, о чем-то его спрашивает и спешит дальше в указанном направлении. Капитан медицинской службы, еще молодой человек, заметив меня, поворачивается и идет навстречу. Мы приветствуем друг друга. Повезло! Сам адъютант главного врача армии.

— Будьте любезны, сообщите о моем прибытии господину генерал-майору медицинской службы. Я назначен на должность хирурга-консультанта.

Кажется, он знает об этом и спешит доложить о моем приезде. Остается немного времени, чтобы настроиться на первую встречу со своим начальником.

Долго ждать не приходится. Адъютант возвращается и приглашает меня в просторную комнату — рабочий кабинет генерал-майора медицинской службы. Тот сидит за простым длинным деревянным столом, углубившись в изучение карт и донесений. Лишь спустя некоторое время он разгибается и медленно поднимается со своего места — со всем величием, на какое только спо-

собен полный маленький человечек. Впечатляет его генеральская форма с золотыми петлицами и ярко-красными лампасами. Выслушав мой рапорт, генерал-майор не без удивления восклицает:

— Вот это да, уже прибыли, профессор! Так быстро. Мы ждали вас здесь, в Каунасе, не раньше, чем через несколько дней.

Он даже вообразить не может, что своими словами повергает меня в шок. «Раз твое появление на фронте не требовалось столь срочно, — проносится в моем уме, — ты мог бы еще три часа спокойно оставаться дома с женой, присутствовать при рождении вашего первенца, помочь ей пережить кризис. Ты мог хотя бы один-единственный раз взять на руки крохотное создание, прежде чем отправляться в Россию».

Наверное, генерал-майор почувствовал мою горечь, однако виду не подал. Он молчит, а мысли тем временем переносят меня к последним событиям.

Еще и трех недель не минуло с тех пор, как наш госпиталь, где царило глубочайшее спокойствие мирного времени, посетил инспектор военной медицинской службы. Когда я провожал его до автомобиля, он обернулся и произнес: «Не думайте, господин профессор, что мы оставим вас в Берлине. При первой же необходимости я учту ваше пожелание отправиться на фронт».

Уже на шестой день после этой встречи я получил приказ ехать в Каунас в качестве хирурга-консультанта при главном враче армии. Командир Управления медицинской службы в Страсбурге, неврастеничный психиатр, по-нукаемый чувством долга, торопил меня как можно скорее отправляться в путь. В дальнюю, изматывающую дорогу, с ее жарой и сутолокой военных эшелонов, с неразберихой привалов и остановок. И вот я в Каунасе, столице Литвы, перешедшей в наши руки.

Подчеркнутая сдержанность моего начальника не вполне вяжется с добродушным выражением толстого лица, с круглой головой, мягкими чертами и голубыми глазами: ощущается явное несоответствие формы и содержания. Долгое время он изучающе разглядывает меня, пытаюсь составить обо мне представление. Я тоже поль-

зуюсь моментом, чтобы довершить в уме его портрет. Когда сталкиваются два незнакомых медика и с ходу пытаются поставить друг другу диагноз — в этом есть какая-то особая прелесть. Наконец он продолжает бесстрастным тоном:

— Не ждите, что здесь, на фронте, вам доведется работать в тех же комфортных условиях, что и в университетской клинике, господин капитан. Здесь все довольно просто. Мы вынуждены обходиться самыми примитивными средствами. А сейчас вас проводят в отдел армейской медицинской службы, на ваше рабочее место.

Видимо, ему не терпится побыстрее распрощаться со мной. Он протягивает мне руку и желает успеха.

Ожидая своего сопровождающего, я размышляю над последней фразой генерал-майора. Он сказал, что меня должны проводить в отдел армейской медицинской службы. Неожиданная новость! Во время Первой мировой войны хирург-консультант находился при штабе армии. А здесь, в этой огромной цементной постройке, я не вижу никого из военного руководства, ни одного офицера-оперативника. Раньше было иначе.

Появляется ефрейтор медико-санитарной службы. Спустившись по лестнице, мы выходим из школы и идем по улицам чистого, но непривлекательного Каунаса к штабу армейской медицинской службы. Здесь как раз пакуют вещи, так как на рассвете приказано передислоцироваться в Даугавпилс. Меня приветливо встречает командир, призванный на действительную службу полицейский врач, и с ходу приглашает в импровизированный офицерский клуб.

Когда мы заходим, от группы людей, ведущих оживленный разговор, отделяется высокий господин, старший капитан медицинской службы, и приближается ко мне.

— Виганд, — представляется он. — Рольф Виганд. Я тоже хирург-консультант. Нас здесь двое.

Раньше мы уже часто встречались на конгрессах хирургов, правда, не были знакомы лично.

— Присаживайтесь ко мне за стол, есть о чем поговорить.

Имя Виганда знакомо мне по его научным трудам. Все ожидали, что человека, много лет проработавшего старшим врачом¹ в университетской клинике, ученика знаменитого хирурга, ждет пост заведующего кафедрой. Однако призвание не стало реальностью. Вероятно, его постигло жестокое разочарование. Даже сегодня, глядя на него, ощущаешь какую-то горечь, которая гложет его душу. В нашей армии профессор Виганд состоял на службе еще со времен похода на Францию. В петлице он носит Железный крест. Очень скоро между нами завязался интересный профессиональный разговор о военно-полевой хирургии, особенно о закрытых костных переломах. Это его конек, его профессиональная сфера деятельности, наверное, поэтому он в красках и так убедительно описывает мне все бедствия фронта. Голубые, как сталь, глаза возбужденно поблескивают. Он напоминает ландскнехта, грубого, но сердечного, иногда вспыльчивого, резкого и даже слегка агрессивного. Свою фуражку он носит вызывающе — набекрень, точно бойкий молодой офицер. Однако возраст и состояние здоровья мало соответствуют ухарскому образу. На щеках темными пятнами проступают фиолетовые сосуды, все лицо изборождено морщинами — признаки преждевременного старения. Втайне я ставлю ему предположительный диагноз — атеросклероз.

Как старший по возрасту и более опытный на поле сражений, он оставляет за собой роль ведущего, в то время как мне отводит роль молодого человека, так называемого второго хирурга в армии. Я безропотно принимаю ее, однако не могу избавиться от ощущения, что мое появление вызывает у него неприятные чувства. Наш разговор продолжается до глубокой ночи. Виганд не скрывает своего консервативного отношения к классической хирургии, ко всему новому он относится скептически, с предубеждениями и отвергает. Нужно ли мне считаться с его мнением? Слегка тревожась, я иду вместе с товарищами на квартиру.

¹ В немецких клиниках должность, аналогичная заведующему отделением.

Жители Каунаса рассказывают, что перед своим отступлением русские совершили ужасающие преступления. Всех задержанных заложников, находящихся в тюрьмах, согнали во двор и расстреляли. Наши солдаты нашли убитых.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ДАУГАВПИЛС

На рассвете 4 июля 1941 года, после ночных сборов, груженные машины санитарной дивизии выстраиваются в колонну. Начинается наступление на Даугавпилс, который наши войска должны взять штурмом. Каждому советнику полагается легковой автомобиль с водителем. За рулем моего автомобиля сидит обер-ефрейтор, крепкий малый с огрубевшими руками и хитроватыми голубыми глазами, судя по всему, родом из Альп. Его зовут Густель. Между нами сразу устанавливается контакт. Густель — мировой парень!

Поднимается солнце, незаметно подкрадывается день с его мучительной жарой. Нас окутывают облака пыли, во рту пересыхает, солнце слепит глаза. Автоколонна ползет по бесконечным стрелам дорог со скоростью улитки. Железная дорога, артерия армии, тянется на северо-восток через город Укмерге то по холмистой местности, наполненной очарованием, то снова через лес или же пересекает пустынную, выжженную солнцем землю. Повсюду видны следы боев, спаленные дома, воронки от гранат, поломанные кусты, вырванные с корнем деревья, а на обочинах, справа и слева от дороги, — первые кресты. От многих сожженных деревянных домов и деревень остались лишь каменные печи, смотрящие в небо. Повсюду одна и та же необыкновенно унылая картина разрушения, напоминающая греческие развалины.

Остановка. Путь заграждает полевая жандармерия. Моторы урчат все тише и наконец замолкают совсем. Посреди внезапно наступившей тишины издали доносятся звуки пулеметной очереди. Значит, еще неизвестно, что нас ждет впереди. Возможно, русские значитель-

но усилили сопротивление. Даугавпилс перешел к нам только после ряда обходных маневров. Остается только ждать. Мы выходим из машин, разминаем затекшие ноги, перекусываем, а затем часами валяемся в сухой траве, беззащитно подставляя себя палящему солнцу. Наконец, трогаемся в путь. Машины лавируют между выбоинами и колеями. Нас мотает во все стороны.

К счастью, сохранился большой мост через Даугаву. Колонны тянутся через него бесконечной цепью. Мы спускаемся с холма, взору открывается обширный вид на город, в лик которого жестоко вцепились острые когти войны. Вдали, сквозь полосы дыма и местами вспыхивающие очаги пепелищ, поблескивают белые причудливые башенки гарнизонной церкви.

Наконец, до нас доходит очередь переправляться через реку. Мост содрогается под тяжестью машин. Указатели регулируют въезд в город, напоминающий армейский лагерь.

Нашему санитарному батальону выделили неплохо сохранившийся дом. Временно мы располагаемся здесь. По небу разливается вечерняя заря, гнетущая жара не спадает, ни ветерочка. В воздухе стоит жуткий сладковатый смрад. На берегу Даугавы, недалеко отсюда, под откосом лежит русский танк, подбитый нашей артиллерией. Под его обломками, в железных тисках, зажато тело погибшего русского танкиста.

При свете сумерек я мчусь к реке и впервые вижу необычную красновато-коричневую воду русских рек, в которой, по всей видимости, присутствуют дубильные вещества или железосодержащие соли. С шумом и гамом, как дети, резвятся солдаты в воде, ища прохлады. Мир на войне!

ГОЛУБЫЕ КУПОЛА

Блуждая вдоль берега, я сворачиваю по направлению к городу и неожиданно оказываюсь посреди руин русской церкви с величественным голубым куполом. Голубой свод высоко возносится над хаотично разбросанны-

ми, низенькими, полуразрушенными деревянными и кирпичными домами. Невиданно, как в сказке. Скорей всего, большевики сняли покрытие из золота и закрасили огромный купол кричащей холодно-синей краской, смесью кобальта и ультрамарина.

Почему именно этот холодный, ядовито-голубой цвет, задаю я себе вопрос, почему? Люди, живущие среди однообразия бесконечных снежных полей или монотонности серо-желтой пустыни, ощущают огромную потребность в ярких красках. В тропических регионах глаз пресыщается, и палитра, наоборот, становится чрезвычайно утонченной.

Во время Первой мировой войны турецкие офицеры имели привычку носить у себя в рюкзаке разрисованные плитки и раскладывать их в пустыне перед своими палатками. У нас это считалось дурацкой манией. Однако мания оказалась заразной. Уже спустя несколько недель немецкие солдаты тоже повадились брать с собой в дорогу цветные изразцы и выкладывать их перед палатками. Глаза жаждали красок.

Я постоянно замечаю, что в северной части России встречаются дома, избы и церкви всего лишь двух цветов. Это та самая леденящая голубизна и теплый оливковый тон зелени. Нигде не увидишь охровый желтый или насыщенный красный. Преобладает голубой. Где голубые купола — там Россия.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Напротив нашего общежития расположен полевой госпиталь. Санитарные машины непрерывно подвозят раненых с фронта. На северо-востоке от Даугавпилса развернулось танковое сражение.

Меня охватывает необъяснимая тревога, я иду в госпиталь. Удивительно, с какой скоростью и тщательностью наши опытные и дружно работающие санитары выгружают раненых и регистрируют их по ярким карточкам, прикрепленным к форме. В вестибюле с них при необходимости снимают одежду, осматривают и в зависимо-

сти от вида и тяжести ранения распределяют по разным корпусам. Отбирают тех, кому требуется срочное оперативное лечение, и готовят к операции.

Главный врач госпиталя, майор медицинской службы в запасе, приветливый и симпатичный невысокий человек, сразу же ведет меня к своему хирургу — обер-лейтенанту медицинской службы доктору Генриху, светловолосому уроженцу Шварцвальда. Его ассистент с темными волосами и в очках, лейтенант медицинской службы доктор Бауэр, как выясняется, родом из Ульма. Втроем мы совершаем обход, чтобы выявить самые тяжелые случаи. Несмотря на примитивные полевые условия, с первого взгляда можно отметить хорошую организацию и старательность всех, кто обслуживает раненых.

Мы подходим к группе с легочными стреляными ранениями. Раненые мирно лежат в своих койках и, за исключением одного, пребывают на удивление в хорошем расположении духа. Я интересуюсь у обер-лейтенанта: как на фронте обстоят дела с легочными ранениями?

— В большинстве случаев исход благоприятный, — отвечает он с почти отсутствующим видом и торопит меня дальше, чтобы показать раненого, состояние которого явно беспокоит его. Пробираясь между кроватями, мы проходим в небольшое помещение, где на операционном столе лежит смертельно бледный солдат. По словам доктора Генриха, он получил ранение в спину бронебойным снарядом, огромная рана на спине сильно инфицирована, солдат в лихорадке. С утра без сознания. Доктор показывает мне его температурную кривую. Не остается сомнений, что состояние чрезвычайно тяжелое. Диагноз — общая гнойная инфекция.

— Будьте добры, покажите мне рану.

Мужчина лежит на животе, марлевая ткань свободно прикрывает рану на спине. Доктор Бауэр осторожно удаляет марлю, поддев ее пинцетом. Чудовищная картина! В результате удара снаряда почти треть кожного покрова спины содрана. Рана имеет неприятный цвет, кажется слишком сухой и грязной, края распухли и вздулись. Человек выглядит абсолютно высохшим. Сухая кожа сморщилась, глаза впали, вокруг глаз образовались ог-